

Василий
КАТУНИН

СУКОРРАСЫ

*Сборник
коротких и очень коротких
рассказов*

Харьков
«Право»
2021

УДК 82-312.9
К29

Катунин, Василий.

К29 Очкоррасы : сб. коротких и очень коротких рассказов / Василий Катунин. – Харьков : Право, 2021. – 194 с.

ISBN 978-966-998-248-3

Жизненные наблюдения автора, изложенные в максимально лаконичной форме, образовали в этой книге пестрый калейдоскоп характеров и ситуаций, дающий повод и посмеяться, и задуматься, а порой и посмотреть на себя с неожиданной стороны.

УДК 82-312.9

ISBN 978-966-998-248-3

© Василий Катунин, 2021
© Издательство «Право», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тот, кто сказал, что краткость – сестра таланта, не обязательно был лентяем. Просто у любого творческого человека, работающего над большим произведением, порой возникает потребность быстро, а по возможности мгновенно, создать нечто законченное. Как часто я убеждался, что незаписанная мысль имеет свойство исчезать безвозвратно, оставляя на душе ощущение потери чего-то значительного. Как-то раз мне это надоело, и я стал записывать коротенькие сюжеты, откладывая их разработку до лучших времен. Перечитывая затем написанное, я понимал, что ту или иную мысль можно было бы безболезненно потерять, но, собравшись вместе, они стали жить в моем архиве самостоятельной жизнью. И я отпустил их. Я не стал вплетать их в романы и повести, не стал нагромождать «до» и «после», а просто время от времени возвращался к ним и отдыхал.

Такого же ощущения отдыха я желаю и вам.

«Очкоррасы» – сокращение трех слов – «очень короткие рассказы». Наверное, можно было бы подыскать более подходящее название, но если уже быть кратким, то – до конца. Вернее – от начала.

ДЕЛИКАТНЫЙ ПОДХОД

Телефон разрывался уже минут десять. Наконец Том не выдержал и, шаркая шлепанцами, подошел к аппарату. Это была Розанна, жена Энди.

— Том, извини, что так рано, но я была не в силах ждать. У нас произошло событие чрезвычайной важности. Я до сих пор не могу поверить! И мама уже приехала. Она только прошла курс у доктора Раванелли, и тут это известие. Я уже думала, что так и умру в нищете. Я приняла корвалол. И мама тоже.

Том Картер поморщился. Он не мог понять, как его друг может переносить эту женщину. Ее словесный сумбур можно было бы сравнить с извержением вулкана, но, в силу отсутствия мысли, логики и связности, к нему больше подходило определение «понос». Неудивительно, что Энди хватил-таки сердечный удар. Такое вынесет не каждый. Том был холостяком, потому что великолепно знал, вернее сказать, соглашался, что каждая женщина – это непрочитанная книга, но при этом неизменно настаивал на том, что самое интересное в этой книге – обложка.

— Роза, – наконец удалось ему прорваться в лавину слов, – я сейчас повешу трубку и перезвоню через пять минут. Повторяю – пять минут... И тогда ты медленно, коротко и связно объяснишь мне, что произошло.

Воспользовавшись паузой, он закурил. Действительно, Энди уже второй месяц лежал в клинике. Инфаркт его хватил нешуточный. Это случилось как раз тогда, когда он поймал пять взяток на «мизере». В той игре шансы его были чрезвычайно велики, но невероятный расклад чуть не загнал его друга в могилу.

Их было четверо. Том, Энди, Боб и Винс. Они были почти одногодками. Выйдя на пенсию одновременно, четверо друзей посвятили свободное время рыбалке, крикету и преферансу. Играли через день, по маленькой. Но, несмотря на это, страсти за столом бушевали настоящие. Первым удар хватил Винса, когда он трижды подряд не смог

сыграть железные «восьмерные». Через пару месяцев он оклемался, и игра продолжилась. Летом инсульт случился у Боба. Он два раза был последней рукой на «распасах» и отгреб восемь взяток. А через полгода – Энди попал в тот кошмар с «мизером». Зато Том был как скала. В игре всем доставалось поровну, но у него были куда более крепкие нервы.

Розанна не выдержала и позвонила сама.

— Значит так, Том, коротко и медленно. Лотерейный билет, который Энди купил еще до инфаркта, выиграл! Два миллиона, Том! Ты представляешь! Я не могу поверить! Я съела килограмм таблеток. Что мне делать, Том? Мама тоже здесь. Если бы не доктор Раванелли...

Через пять минут Том позвонил снова и позволил Розе выдать следующую порцию информации.

— Том, – кричала она в трубку, – если я скажу об этом Энди, у него может остановиться сердце! Я сама чуть не выпрыгнула в окно. Он не выдержит этого, Том. Мы столько лет мечтали... Что мне делать, Том? Ты единственный из вашего квартета инвалидов сможешь это сделать. У тебя здоровое сердце и холодный ум. Если Энди узнает про два миллиона, его может хватить второй удар. Я не ругаюсь за себя! Мама просто вырвала у меня трубку сегодня утром...

Через пять минут Том позвонил и не дал больше возможности Розанне доводить себя до истерики.

— Роза, молчи и слушай меня. Ни Роберт, ни Винс не смогут сообщить ему об этом. У них ни мозгов не хватит, ни здоровья. Я все сделаю сам. Доверься мне. Через сорок минут я выезжаю в клинику к Энди. Жди моего звонка.

Часом позже Том сидел в палате своего друга. Соседняя койка пустовала, в палате они были вдвоем. Энди полулежал в своей кровати, настроение у него было отличное. Врач обещал выписать его через пару дней.

После небольшого разговора о погоде и новостях с Ближнего Востока, Том занял на присутственном стуле непринужденную позу и задумчиво произнес.

— Говорят, что деньги – зло. А вот у меня о них остались самые приятные воспоминания. Интересно, Энди, как бы ты поступил, если бы тебе вдруг привалило десять тысяч.

— Что ты дружище, – отмахнулся его приятель, – я таких денег отроду в руках не держал.

— Я тоже не держал. Но все же?

— Выплатил бы кредит за машину, – ответил Энди.

Том согласно кивнул и посмотрел в окно.

— А если бы пятьдесят?

Энди задумался.

— Переехал бы из Бронкса.

— Занятно, – согласился его друг. – А предположим... на тебя свалилась бы сумма, превышающая твои накопившиеся проблемы. Например, сто кусков.

— Откуда у меня возьмутся такие деньги?

— Да, ладно, Энди. Понятно, что это в виде примера. Запомни, деньги – это очень непрактичная вещь, их нельзя использовать более одного раза. Ответь, что бы ты сделал с такой суммой?

Энди поскреб макушку.

— Подумать надо. Поехал бы с Розы в круиз по Европе. Помеял бы авто. Вставил новые зубы. Остальные положил бы в банк... Я имею в виду деньги.

Том удовлетворенно кивнул.

— А полмиллиона?

Энди, окончательно включившись в игру, мечтательно поднял глаза к потолку.

— Девчонку бы завел. Виллу бы купил на западном побережье. Том улыбнулся. Все шло как по маслу.

— Скажи, Энди, а если бы на тебя свалился миллион?

— Как?

— Предположим, в лотерею.

Энди замахал руками.

— Бог с тобой, Том. Я в сказки не верю.

— А ты представь. Я понимаю, что большая разница между тем, чтобы быть рабом денег, которые у тебя есть, и денег, которых у тебя нет. Но в жизни все случается.

Энди блаженно улыбнулся.

— Ранчо купил бы. И завел вторую девчонку.

Том облегченно вздохнул.

— Послушай, дружище, а чего мелочиться. Давай пусть будет два миллиона. Как с ними поступишь?

Энди расхохотался.

— Ну, насмешил, Том! Два лимона! Ха! Куда же столько денег девать! Вот что я тебе скажу, Томми. Если ты однажды придешь ко мне и скажешь, что я выиграл в лотерею два миллиона, то, – ха! – клянусь здоровьем Розы, один лимон я отдам тебе!

Через минуту в одном тапке и расстегнутом халате бледный Эндрю Кламберт выбежал из своей палаты в коридор кардиологического отделения и закричал:

— Сюда! Сестра! Скорее сюда! Моему другу Тому Картеру плохо. Кажется, у него остановилось сердце!

АМНЕЗИЯ

Федор сел на конек крыши и посмотрел вниз.

«Тут если покатишься, – подумал он, – то и зацепиться не за что. Грохнешься с такой высоты – костей не соберешь».

Между каминной трубой и листом шифера он увидел ту злосчастную дыру, из-за которой потолок гостиной вечно был в мокрых разводах. В одной руке Федора был молоток, в другой – кусок рубероида и жестяной уголок. В зубах его были зажаты три гвоздя.

«Так и накаркать можно», – подумал Федор.

Он еще раз посмотрел вниз, перекрестился ручкой молотка и, неудобно потянувшись, стал прикладывать рубероид к щели...

Федор открыл глаза. Над ним склонилось женское лицо в медицинской шапочке.

— Очнулся! Ну и молодец!

Лицо исчезло. До слуха Федора стали доходить монотонные звуки. Это был мужской голос. Он повернул голову и увидел около окна дородную даму, показавшуюся ему знакомой. Мужчина с седыми висками, по всей видимости, доктор, вяло передвигал руками, обращаясь к ней прокуренным басом.

— Пока никаких гарантий дать не могу. Позвоночник дело непредсказуемое. Во всяком случае, месяца четыре он не сможет двигаться, а там будем надеяться на лучшее. Случается, и после таких травм встают на ноги.

Федор замычал. Дама быстрыми шагами приблизилась к койке. Положительно, она была в его вкусе. Вслед за ней над Федором склонился доктор. От него слегка потянуло спиртом.

— Голубчик, вы что-нибудь помните?

Федор отрицательно мотнул головой и сморщился.

— Возможна амнезия, – повернулся доктор к женщине. Затем он опять посмотрел на Федора. – Любезный, вы лучше говорите, а не мотайте головой. У вас ко всем прелестям еще и сотрясение мозга.

Федор с трудом разжал челюсти.

— Я ничего не помню.

— Это возможно, – успокоил его доктор.

— Но я совсем ничего не помню.

— Вы упали с крыши, – ласково произнес врач.

Вдруг в глазах Федора появилось беспокойство. Он с мольбой посмотрел на даму. Она наклонилась ниже.

— Женщина, как вас зовут? – спросил он.

— Зина, – с изумлением в голосе ответила дама.

— Кто вы?

— Батюшки! – воскликнула женщина. – Да я жена ваша... твоя.

— Ух, ты! – восхищенно выдохнул Федор и кинул горделивый взгляд в сторону доктора.

— Зинаида, – спросил он, – а у нас дети есть?

— А как же! – всплеснула руками жена. – Двойня.

— Похожи на меня?

— Как две капли! – перекрестилась Зинаида.

— Оба? – строго спросил Федор.

Доктор хмыкнул и отошел в сторону.

— А машина у меня есть? – снова поинтересовался Федор.

Жена согласно кивнула.

— Мерседес? – с надеждой спросил Федор.

— Газель.

В его глазах снова вспыхнул огонек беспокойства. Он поманил жену движением глаз и, когда та наклонилась, с жаром прошептал:

— Зинуля, вы... ты скажи мне, я успел залатать дыру в крыше или нет?

НЕЗАДОЛГО ДО ЦУНАМИ

Уже три часа мы шатались по улочкам Патайи, отходящих от ее двух главных магистралей. Теплый тропический вечер обволакивал нас запахом пряностей и дуриана. Повсюду на встречу нам попадались парочки, такие же, как мы, – праздные, беззаботные, влюбленные. Открытые такси-трамвайчики подвозили на набережную новых туристов и тут же увозили нагулявшихся бездельников по гостиницам. Я шел, обняв Николь за плечи, и рассказывал ей истории о себе, в которых, как и водится, на одну унцию правды приходилось четыре фунта вымысла и пять унций хвастовства. Она от души веселилась.

Я махнул рукой. Около нас остановилась машина, из которой, взявшись за руки, вышла парочка: мужчина и молодая красивая девушка. Он был похож на немца. Я был похож на русского. Мы встретились глазами.

Садясь на сидение, я шепнул на ухо Николь:

— Не представляю, как она может с таким стариком.

Я был похож на русского, но пять лет прожил в Германии. Он этого не знал. Поэтому я легко перевел фразу, которую он чуть громче, чем следовало, сказал своей очаровательной даме, кивнув через плечо в нашу сторону:

— Не представляю, как тот старик может с такой молодухой.

БОЛЬШАЯ РАЗНИЦА

В этот день мы сдали свой этап строительства плотины под Гуань Даном, и я решил побаловать ребят своим фирменным блюдом – пирогом с клубникой под сливочным соусом. Чтобы приготовить блюдо, мне нужны были фрукты, масло и пищевая сода для теста. В ближайшем поселке, кишасщем крысами и мухами, я приобрел все необходимое и, насвистывая веселую мелодию, двинулся пешком в обратный путь.

— Мистер Майлз! – услышал я позади себя. – Мистер Майлз!

Я обернулся и увидел бегущего ко мне продавца Куна из бакалейной лавки.

Приблизившись ко мне, он минуту приводил в порядок свое дыхание, затем обратился ко мне.

— Я гнался за вами целую милю, сэр! – прерывисто выпалил он.

— И чем вызвана такая спешка? – весело поинтересовался я.

— Дело в том, мистер Майлз, что я по ошибке вместо развесной соды насыпал вам крысиного яду. Они так похожи, сэр.

От ужаса у меня отвисла челюсть. Трясущимися руками я стал рыться в кульке с продуктами. Вытянув злосчастный пакетик двумя пальцами, я высоко поднял его над головой и прищурил правый глаз.

— Действительно. Очень похоже на соду.

Первым моим импульсом было порвать Куна на части, но, упершись взглядом в тупое узкоглазое лицо, я подумал, что это всего лишь вьетнамец. Незамысловатый вьетнамец, который имеет все основания недолюбливать англосаксов.

— Наверное, мешки с обоими порошками стоят рядом? – с сарказмом спросил я. – Так всегда водится в ваших паршивых лавчонках. Правда, Кун? Между крысиным ядом и пищевой содой нет никакой разницы? Верно, Кун?

— Что вы, сэр! – горячо воскликнул он. – Разница есть! Иначе я не гнался бы за вами так долго.

— Неужели есть? – с показным удивлением спросил я. – И какая же?

— Большая, очень большая! – от волнения Кун беспорядочно разводил в стороны руки, показывая ими всевозможные варианты «разницы». – Очень большая. Вы должны доплатить целых полтора доллара, сэр.

СОЛНЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК

Ректор кулинарного техникума еще раз прочел заявление и, сокрушенно покачав головой, набрал секретаря.

— Сыромятников пришел?

— В приемной, – поставленным голосом ответила Елизавета.

— Пригласите.

В кабинет проникла голова с копной соломенных волос и робким голосом произнесла:

— Можно?

Получив разрешение, голова была тут же дополнена долговязым неуклюжим телом с руками, сильно выступающими из рукавов клетчатого пиджака.

— Проходите, Арсений Лукич, – ректор указал перстом на стоящий напротив стул.

Рассмотрев парня поближе, он обнаружил на его лице веснушки, глаза, светящиеся бьющей через край добротой, и не оставляющую сомнений в искренности улыбку двадцатилетнего ребенка.

«Солнечный мальчик», – подумал ректор, и сам удивился этой метафоре. Он заметил, что пиджак парня сильно выпирает на груди, будто тот держит за пазухой нечто достаточно объемное.

Ректор склонил голову над заявлением, затем посмотрел на посетителя поверх очков.

— Я попросил вас зайти лично, потому что ваше заявление несколько выходит за рамки принятых в нашем заведении правил. Вернее сказать, совсем не вписывается ни в какие рамки.

Парень ответил вопросительным молчанием, слегка подсвеченным непонятной разновидностью улыбки, коих у него, по всей видимости, было предостаточно.

— Вы просите допустить вас к занятиям прямо с середины семестра, – продолжил ректор, – и вдобавок вы хотите в конце года сдать экстерном экзамены за полный курс обучения. При этом вы